

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

12

АВГУСТ

1987

АВГУСТ

Б. РАУШЕНБАХ

СКВОЗЬ ГЛУБЬ ВЕКОВ

1000 лет назад, в 988 году, в «сонме» европейских христианских государств появилась Киевская Русь. Понятен интерес, проявляемый к этому событию и у нас в стране, и далеко за ее пределами.

Знакомясь с историческими памятниками нашего Отечества, мне не однажды доводилось слушать объяснения, которые давали экскурсоводы обступившим их туристам. Всякий раз, когда дело доходило до описания событий, связанных с введением на Руси христианства, я с удивлением замечал, что экскурсоводы старательно подчеркивают религиозную сторону происшедшего и лишь попутно общаются о социально-экономической и политической стороне этого процесса, прежде всего о приобщении Руси к европейской культуре. Между тем, по моим представлениям, почерпнутым из трудов советских историков, дело обстоит совсем не так. Суть событий тысячелетней давности заключалась в государственном развитии Киевской Руси, религиозной была лишь форма этого процесса.

Чтобы заново осмыслить, что и как происходило в те далекие века в Киевской Руси, полезно вспомнить слова Фридриха Энгельса, сказанные, правда, по поводу более поздней эпохи Возрождения: «Это было время, которое французы правильно назвали Ренессансом, протестантская же Европа односторонне и ограниченно — Реформацией» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 508*).

Из высказывания Энгельса видно, что судить о событиях такого масштаба, принимая во внимание один только религиозный компонент, — значит судить «односторонне и ограниченно». К сожалению, некоторые представители научного атеизма занимают позицию, противоречащую глубокой мысли Энгельса. Выискивая лишь «темные стороны» происшедшего десять веков назад события, невозможно в полной мере оценить его сложность и противоречивость, его объективный смысл и значение.

Всячески подчеркивают, например, насильственный характер крещения. История распространения христианской религии в самом деле дает для этого определенные поводы. Взять хотя бы так на-

зываемое крещение языческих племен Прибалтики крестоносцами. Здесь действовали просто: выступало рыцарское войско, разбивало отряды сопротивлявшихся, захватывало земли, возводило на них свои замки, превращало свободное население в крепостных и придавало этому разбою «приличный» вид, крестив оставшихся в живых. Однако очевидно, что дело здесь было вовсе не в крещении, а в захвате земель. Аналогично крестили аборигенов испанцы в Америке. Но ничего подобного не было на Руси, где события развивались иначе и в противоположном, если можно так выразиться, направлении (об этом ниже).

То, что произошло в конце X века в Древней Руси, было выдающимся событием в истории нашей Родины. Великий князь Владимир осуществил смелую государственную реформу, имевшую далеко идущие последствия. Я бы сравнил ее с реформой Петра I. Как и во времена Петра, тогда нужен был рывок в развитии страны, усвоение высших достижений передовых стран той эпохи. Владимир преследовал цель встать вровень с развитыми феодальными монархиями. Для этого надо было решиться на энергичное проведение феодальной реформы и связанные с ней глубокие преобразования. Именно эту реформу «односторонне и ограниченно» называют нередко крещением Руси.

(Во избежание недоразумений, в самом начале подчеркну, что о феодальном характере реформ, государства, древнерусского общества в целом я говорю, пользуясь современными понятиями и отнюдь не желая представить Владимира кем-то вроде сознательного «теоретика феодализма». Он выражал объективные потребности общественного развития, которые обусловили его естественное стремление создать государство, ни в чем не уступающее известным ему монархиям, и в том числе Византии.)

Чтобы лучше понять процессы, определявшие жизнь наших предков в те далекие века, необходимо хотя бы вкратце вспомнить события предшествовавшего сто-

летия. Первоначально разрозненные славянские племена временами объединялись и вели военные действия с соседями, тревожа и окраины Византийской империи. В середине IX века состоялся первый большой поход на Византию, связываемый летописью с именем киевского князя Аскольда. Это был период, когда шло разложение патриархального общинного строя, зарождались феодальные отношения. Они имели тогда примитивную форму — осенью и зимой дружина с князем ходила по своей территории, собирала дань; феодального землевладения еще не существовало. Весной избытки собранного (меха, воск и т. п.) отправляли по Днепру в Византию и даже в более отдаленные страны Востока. Оттуда привозили изделия, которых на Руси не производили. Аскольд осадил Константинополь, взял большой выкуп и заключил с Византией договор, вероятно, содержавший какие-то выгоды для русской земли. Византия впервые столкнулась с нарождавшимся государством. Это были уже не просто «варвары», грабившие пограничные провинции, а нечто более серьезное.

В конце IX века пришедший из Новгорода Олег захватил Киев и объединил северную и южную Русь (Новгород и Киев). Возникли контуры будущего древнерусского государства. Еще непрочное объединение Руси в одно целое поддерживалось постоянными боевыми действиями против непокорных племен. Новый удачный поход на Византию завершился заключением выгодного русского договора и обеспечением ежегодной дани (платы за ненападение).

Со смертью Олега (начало X века) сразу выявилась непрочность объединения славянских племен — их союз распался. Восстанавливать его силою оружия пришлось Игорю. Он был убит в одном из походов на древлян за повторной данью. Последовала жестокая месть древлянам со стороны его жены Ольги, ставшей правительницей при малолетнем сыне Святославе. Печальный опыт заставил Ольгу упорядочить получаемые от союзных племен дань и их повинности. Это был новый шаг к регламентированному закону феодальному государству.

Придя к власти, Святослав направил свою энергию против внешних врагов нарождавшегося государства. Разгромив Хазарский каганат, войско Святослава дошло до Северного Кавказа. Победою (хотя и не всегда) сопровождался и его поход против Византии. Возвращаясь обратно, Святослав погиб в сражении с печенегами, которых византийцы предупредили о маршруте его дружины. Но потенциальные враги русских на востоке и на западе были нейтрализованы.

Междоусобная борьба братьев после смерти Святослава привела в 980 году к власти его сына Владимира. Каково было наследство, доставшееся Владимиру от его предшественников? Коротко говоря, он оказался во главе непрочного объединения славянских племен, стабиль-

ность которого требовала постоянного приращения (или по крайней мере постоянной угрозы применения) военной силы. Чтобы укрепить это объединение, молодой князь принял два важных решения. Во-первых, он обосновался в Киеве, чтобы не оставлять управления своею державой на многие месяцы или годы (такова была длительность военных экспедиций его предшественников). Во-вторых, он постарался, выражаясь современным языком, идейно объединить союзные славянские племена с помощью общей для всех религии.

Переход к оседлой жизни в столице был серьезным шагом в направлении феодализации государства: в современных Владимире королевствах монархи в основном управляли своими странами из столиц. Эту сторону деятельности Владимира считал нужным особенно выделить К. Маркс. Он писал, что до Владимира страной правили князья-завоеватели, которые смотрели на Россию лишь как на стоянку, от которой надо было двигаться дальше (К. Marx, F. Engels, Collected Works, Vol. 15, p. 76. Moscow, Progress Publishers, 1986). Например, Святослав собирался перенести столицу на Дунай, приблизив ее к местам боевых действий собственной дружины. Об этом же повествуют и летописи: до Владимира князья думали «о ратех», а он «о строи землянем... и о уставе землянем». Это не значит, конечно, что Владимир не совершал военных походов. Но он никогда не оставался на завоеванных землях, а всегда возвращался в Киев. Его походы не были самоцелью, они обуславливались нуждами государства.

Обосновавшись в Киеве, Владимир приступил к строительству оборонительных сооружений на востоке от него, подтверждая этим, что он собирается пребывать в столице постоянно и защищать ее от кочевников. Спокойная и уверенная жизнь в городе тоже была важной предпосылкой успеха глубоких государственных реформ.

Вторую проблему — объединение союзных племен — он сначала пытался решить путем «уравнивания в правах» всех основных племенных богов (а значит, и влиятельных жреческих групп). Любой приехавший издалека мог видеть, что в столице почитаются не только свои, киевские, боги, но и бог его племени. Так в Киеве возник пантеон шести языческих богов, остатки которого уже в наше время обнаружили археологи. Согласно другой точке зрения, в пантеоне были представлены боги, символизировавшие основные элементы древней картины мира славян — небо, землю, Солнце и т. п. Возглавлял эту группу великокняжеский бог Перун. Но и в таком случае пантеон имел общеславянский, объединяющий характер.

Хотя мы и не располагаем сегодня прямыми доказательствами, однако не подлежит сомнению, что эти меры князя Владимира укрепили древнерусское государство. Но вскоре выяснилось, что дорога, по которой он столь успешно двинулся

вперед, на самом деле вела в тупик. Тому были две серьезные причины. Во-первых, языческая религия и после нововведений Владимира предполагала все же старый образ жизни. Она была уместна для патриархального строя, но серьезно тормозила формирование новых производственных отношений зарождавшегося феодализма. Нужны были новое право, новые обычаи, новое общественное сознание, новые оценки событий. Старое язычество этого дать не могло. А «это» лежало по существу готовым в Византии.

Вторая причина заключалась в том, что Киевская Русь не могла стать в один ряд с передовыми странами Европы и Востока, не могла выйти, говоря нынешним языком, «на уровень мировых стандартов», не заимствовав у них ремесел, строительной техники, науки, культуры и много другого. (Так позднее Петру понадобился опыт Западной Европы.) Все это тоже можно было взять в Византии.

Почему Византия? Решая, какую (или какие) из существовавших тогда стран принять за образец, Владимир мог ориентироваться также на мусульманский Восток и католический Запад. Но предпочтение было им отдано православной Византии. (Формальное разделение некогда единой церкви на православную и католическую произошло лишь в 1054 году, фактически же они стали независимыми намного раньше. Это и позволяет нам пользоваться принятой здесь терминологией.) В немалой мере выбор Владимира был обусловлен исторически, но в такой же — его государственной мудростью. С Византией уже сложились достаточно тесные экономические отношения: она была близко расположена; родственная Руси Болгария приняла христианство примерно за 100 лет до Киевской Руси. Этому в большой степени способствовала деятельность Кирилла и Мефодия, создавших славянскую письменность и проповедовавших христианство на славянском языке. В наши дни славянские народы справедливо чествуют их как выдающихся просветителей (в Болгарии посвященный их памяти день отмечается как всенародный праздник просвещения). Таким образом, на решение Владимира могло повлиять и то, что в православной церкви в отличие от католической богослужение можно было вести на понятном языке. Нелишне заметить, что в ту эпоху Византия была еще в расцвете; там не умерла античная традиция — в ее школах изучали Гомера и других классиков древности, в философских диспутах продолжали жить Платон и Аристотель... Византийский вариант христианства отвечал нуждам феодального общества и поэтому вполне соответствовал замыслам Владимира. Одновременно решалась и задача единого культа для всех племен Древней Руси.

Ни Русь, ни Византия не расценивали предстоящее крещение как чисто религиозный акт. Если ограничиться несколько упрощенной и предельно краткой характеристикой, то точка зрения Византии сво-

дилась к следующему: поскольку Русь обращалась в православную веру, а православную церковь возглавляли византийский патриарх и император, то Русь автоматически становилась вассалом Византии. Однако растущее и уже довольно мощное древнерусское государство, неоднократно успешно воевавшее с Византией, отнюдь не желало для себя подобной роли. Точка зрения Владимира и его окружения была иной. Крещение и связанное с этим заимствование византийской культуры и техники вовсе не должно было лишить Русь ее самостоятельности. По мысли князя, Русь превращалась бы в дружественное Византии, но вполне суверенное государство. Как друг Византии, оно оказывало бы ей, если необходимо, военную помощь. При столь существенном расхождении во взглядах на последствия крещения оно было по меньшей мере сильно затруднено.

Но судьба оказалась благосклонной к замыслам Владимира. В 986 году византийский император Василий II потерпел жестокое поражение в войне и едва спасся, а в 987 году к Константинополю подошел с войском взбунтовавшийся византийский военачальник Варда Фока и объявил себя императором. В этом безвыходном положении Василий II просит помощи у киевского князя Владимира. Тот соглашается предоставить военную помощь и тем самым сохранить трон Василию II, но выдвигает жесткие условия:

крещение Руси происходит, образно говоря, «по киевскому сценарию»;

Владимир получает в жены сестру императора и тем самым становится «своим» среди верховных правителей Европы.

Император вынужден согласиться. То была большая дипломатическая победа Владимира. Княжеское войско (6 тысяч воинов) помогло разбить Фоку, и Василий II остается на престоле.

Наступает 988 год, а с ним начинается и крещение Руси, однако Василий II нарушает данное им слово — приезд его сестры Анны в Киев задерживается. Владимир действует решительно: осаждает Корсунь (современный Херсонес в Крыму) — важный опорный пункт Византии на Черном море.

А. К. Толстой, обладавший отменным чувством юмора, так описывает осажденных византийцев:

Увидели греки в заливе суда.
У стен уж дружина толпится.
Пошли толковать и туда и сюда:
«Настала, как есть, христианам беда.
Приехал Владимир креститься!»

Корсунь капитулирует, Владимир грозит перенести военные действия на территорию Византии. Теперь вынужден капитулировать и Василий II. Судьбу Анны оплакивают в Константинополе целую неделю, и нетрудно вообразить, с какими мыслями управляется она после этого к Владимиру.

Любители порассуждать о «насиленном крещении» могут на этом примере

убедиться, что насилие действительно имело место. Сохраняя интонацию А. К. Толстого, можно иронически сказать, что древнерусское войско, разбив византийцев, заставило их окрестить себя.

Прежде чем обратиться к феодальной реформе, рассмотрим религиозную сторону вопроса. На первый взгляд может казаться, что социальная роль любой религии всегда одинакова, коль скоро все они признают существование некоей мистической силы, которая управляет происходящим в мире. В действительности дело, конечно же, обстоит сложнее, религии имеют свою непростую историю, и, в частности, переход Киевской Руси от язычества к христианству следует оценивать положительно, как прогрессивный процесс, переход к «цивилизованной» религии. Например, обязательным элементом языческого культа многих населявших Европу племен были человеческие жертвоприношения. Они совершались по разным поводам, включая некоторые праздники годового цикла. При похоронах достаточно состоятельного человека убивали его рабыню, иногда даже нескольких рабынь и рабов. Бывало, что перед сражением в жертву приносили одного из воинов. Известны и жертвоприношения, связанные с благодарственными богослужениями.

Естествен вопрос: как шло распространение христианства? Не встречал ли этот процесс сопротивления? Подчеркнем еще раз, что он был внутренним делом Киевской Руси. Преобразования осуществлялись по указанию великого князя и его ближайшего окружения, как бы «правительства». Внешнего, насильственного напора страна не испытывала. Кроме того, население было знакомо с христианством: уже многие годы в древнерусских городах существовали маленькие христианские общины, появившиеся еще во время княжения Ольги, бабушки Владимира, которая первой из верховных правителей Киевской Руси приняла христианство (если не считать легендарных сведений о крещении Аскольда). Это тоже способствовало утверждению новой религии.

Как и при всяком кардинальном преобразовании, новое, прогрессивное наталкивалось на сопротивление старого, отжившего. Поэтому полезно обсудить, кому это новое было выгодно, а кому нет.

Князь только выигрывал — если раньше он просто был главой племенного союза, то теперь его власть была освящена, «дарована богом». Ближайшее окружение Владимира не несло никакого имущественного или иного ущерба. То же можно сказать и о дружине. Перед теми, кто занимался торговлей с Византией, реформа открывала новые возможности. Если прежде на торговых площадях заморских стран они были «варварами», «скифами», то теперь в Византии и Европе — уважаемыми единоверцами, а на мусульманском Востоке — представителями одной из мировых религий. Рядовые общинники, пока процесс феодализации еще не набрал

силу, тоже особенно не страдали. Рабам христианство обещало свободу. Как известно, в Древней Руси рабство было домашним, рабов не использовали в производстве, но они составляли заметный слой общества. Однако широко распространена была работорговля. Даже сегодня в английском, немецком и французском языках понятие «раб» обозначается словом «славянин», поскольку рабы-славяне очень ценились на невольничьих рынках. Рабство не свойственно феодализму, и церковь резко выступала против него, особенно против работорговли, когда своих соплеменников продавали «в поганые».

Кто терял все, так это языческие жрецы. Влиятельное жреческое сословие вдруг становилось никому не нужным. В этих условиях языческое жречество прибегло к двум принципиально разным тактическим приемам: во-первых, «уходу в подполье», когда на окраинах и в других местах, где это было возможно, продолжалось служение идолам, совершение магических обрядов и т. п.; во-вторых, открытому (даже вооруженному) сопротивлению всей системе реформ Владимира.

Реакция Владимира на эти две тактики была различной. На «подпольных» языческих жрецов почти не обращали внимания, им не мешали, ведь они не представляли опасности для главного — феодальной реформы. В этом один из корней так называемого двоеверия. Владимир считал, что в результате деятельности христианского духовенства эти элементы язычества постепенно отомрут. При столь масштабных реформах неразумно требовать, чтобы сразу все изменилось. (Ведь и Петр не требовал, чтобы крепостных крестьян одели в голландские костюмы.)

Иной была реакция на сопротивление системе феодальных реформ. Здесь Владимир проявлял твердость, безжалостность и при необходимости применял военную силу. Однако для нас важно, что «огнем и мечом» не просто вводилась новая религия, а создавалось централизованное феодальное государство.

Процесс христианизации протекал постепенно и, по современным оценкам, в основном занял приблизительно 100 лет. С учетом размеров страны это очень малый срок: крестившимся почти одновременно с Русью Швеции и Норвегии потребовалось на это соответственно 250 и 150 лет.

Государственная реформа Владимира как бы высвободила постепенно накапливавшийся в древнерусском обществе потенциал — началось бурное, стремительное развитие страны, и это показывает, сколь своевременна была реформа.

Приглашенные из Византии мастера строят каменные здания и храмы, распиливают их, украшают фресками, мозаикой, иконами, а рядом с ними работают русские, которые учатся неизвестному ранее мастерству. Уже следующее поколение будет возводить сложные сооружения в русских городах, почти не прибегая к

помощи иностранцев. Изменяется и сельское хозяйство — на Руси появляется огородинчество.

Прибывшее духовенство не только служит в новых храмах, но и готовит «национальные кадры» для церкви, и, как следствие, распространяются знания и грамотность. Организуются школы, в которые Владимир под плач матерей собирает детей высшего сословия (потом этим методом будет пользоваться и Петр), молодых людей посылает на учебу за рубежи родной страны. Вводится летописание. Как всякое развитое государство, Киевская Русь начинает чеканить золотую монету.

Древняя Русь постепенно становится государством новой высокой культуры. Не следует, однако, думать, что в языческие времена она не обладала по-своему совершенной культурой. Эта народная языческая культура будет еще долго жить и придаст древнерусскому искусству своеобразные и неповторимые черты. Говоря о новом, я имею в виду главным образом ту массу знаний (от сочинений Аристотеля до способов кладки каменной арки), которая уже тогда стала достоянием мировой культуры.

Станным образом современные Владимиру летописи почти ничего не сообщают о нем. Быть может, это связано с тем, что их писали приехавшие византийцы, которые, безусловно, хотели видеть иные результаты крещения страны. Владимир не был послушен своим духовным отцам, когда их советы были полезны только Константинополю и расходились с нуждами Киева. Не пришлое духовенство «командовало» Владимиром, а наоборот.

Но если о Владимире молчат летописи, то его восторженно воспевают фольклор, а это высшая оценка, которую мог получить тогда политический деятель. Владимир Красное Солнышко навечно остался в народной памяти. И это не случайно. Во все времена человек хотел, чтобы сегодня было лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня. Чем выше темп непрерывного улучшения жизни, тем счастливее человек. В период реформ Владимира темп обновления всех сторон жизни древнерусского общества был поистине ошеломляющим. Еще вчера киевлянин с удивлением взирал на чудеса Константинополя, а на завтра видел нечто близкое в Киеве. Это вселяло в его душу гордость за родную страну и уверенность в ее великом будущем.

По меткому определению профессора В. В. Мавродина, в этот период «все окутано дымкой оптимизма, того оптимизма, который был присущ раннему христианству Киевской Руси». Первоначальное христианство на Руси было радостным, не отрицавшим земных страстей, чуждым монашеского аскетизма. Во времена Владимира на Руси не было своих монахов, не существовало монастырей. Все это довольно естественно. Чтобы кто-либо ощутил потребность идти в монастырь, он должен был скитаться, лучше всего с детства, с христианскими представлениями и

идеалами. А на это нужно время. Кроме того, русские христиане первого поколения считали сам факт крещения столь большим подвигом личного благочестия, что дополнять его подвигами монашеской жизни было необязательно. Из проповедуемых христианством добродетелей наиболее ценилась любовь к ближнему, которая проявлялась, в частности, в практике пиров и милостыни бедным.

Княжеские пиры знало и язычество. Владимир сохранил этот обычай, придав ему новое содержание. Здесь между представителями дружины и племенной знати свободно обсуждалась «текущая политика», и это служило сплочению класса феодалов. Что касается милостыни бедным, то на княжеском дворе киевлянин мог бесплатно поесть. По распоряжению Владимира пищу для глубоких стариков и больных развозили по домам. Одним из видов милостыни был и выкуп пленных (рабов) с предоставлением им свободы.

Со временем, когда феодализм достигнет достаточно полного развития, церковь будет помогать господствующему классу держать угнетенное крестьянство в повиновении. Более того, она сама станет крупнейшим феодалом. Но это все — в будущем, а пока правит Киевской Русью «ласковый князь» — Владимир Красное Солнышко.

Продуманная и энергичная политика Владимира ввела Русь в систему европейских христианских государств. Ее международное положение укрепилось. Русь становилась «ведома и слышима... всеми концы земли». Карл Маркс назвал эпоху Владимира «культурнонациональным пунктом готической (то есть раннесредневековой.— Б. Р.) России» (К. Marx, F. Engels. Collected Works, Vol. 15, p. 76).

Быстрый темп преобразований эпохи Владимира все же не смог обеспечить завершения феодальной реформы при его жизни, для этого требовалось больше времени, и его дело завершил сын — Ярослав Мудрый. Как сказано в летописи, Владимир вспахал, Ярослав засеял, а мы (то есть следующее поколение) пожинаем плоды. В чем же заключался «посев» Ярослава?

Заняв после тяжелой междоусобной борьбы киевский стол, Ярослав стал не менее энергично, чем его отец, продолжать начатую реформу. Как и отец, он строит укрепления для защиты своих земель, теперь, правда, преимущественно на западе. Так же, как и отец, следит за тем, чтобы феодальным преобразованиям ничто не мешало. В этой связи полезно вспомнить так называемое «восстание волхвов».

В голодном 1024 году на далекой тогда окраине Киевской Руси, в Суздалье, вспыхнуло восстание. Казалось, язычники выступили против христиан. Но дело было сложнее — как пишет летописец, восставшие направили свой удар против «старой чади». Это раскрывает нам суть происхо-

дившего. В описываемое время шел процесс расслоения некогда свободной родовой общины. Племенная верхушка — «старая чадь» — занималась экспроприацией общинных земель, постепенно феодализируясь; она собирала дань для князя, конечно, не забывая и себя. В голодные годы эти нарождавшиеся феодалы припрятавали съестные припасы, одновременно обогащаясь и закабалая своих соплеменников. Следовательно, восстание 1024 года — типичное выступление поработенных против угнетателей, это — прообраз будущих крестьянских восстаний в истории нашей страны.

В этой обстановке из «подполья» вышли волхвы и попытались использовать восстание в своих целях — для восстановления язычества. Восстание было Ярославом подавлено. Интересно отметить, что пока суздальские волхвы творили свои языческие обряды, Ярослав их не трогал. Он выступил тогда, когда разразилось антикняжеское (лишь по форме антихристианское) восстание. Ему, как и Владимиру, важно было закрепить феодальные реформы.

Ярослав продолжает интенсивную строительную деятельность, явно стремясь сделать Киев не хуже Константинополя. Если Константинополь знаменит своим собором Софии, то величественный Софийский собор возводился и в Киеве; и тут и там городские укрепления украшают Золотые ворота и т. п. Много сил отдает Ярослав и развитию торговли: при нем начали чеканить не только золотые, но и серебряные монеты.

Однако главной заботой Ярослава стало создание собственной, русской интеллигенции (при всей условности применения данного понятия к той эпохе). Эту задачу Владимир не мог решить за недостатком времени. Требовалась не просто грамотность, надо было сделать так, чтобы Киевская Русь не нуждалась в «импорте» греческого духовенства, чтобы она имела собственных ученых, писателей, философов, чтобы она могла при необходимости вести идейную борьбу, в частности против имперской идеологии Византии.

В средние века единственным местом, где человека обеспечивали всем необходимым и давали возможность заниматься науками, были монастыри. Они играли роль не только религиозных центров, но и своего рода академии наук и университетов. Здесь писались трактаты на самые различные темы и воспитывалось новое поколение образованных людей. Князья и цари ездили в монастыри не только для молитвы, но и для совета — ведь нередко тут были самые знающие соотечественники. Неудивительно, что при Ярославе возникает русское монашество, появляются русские монастыри.

Описи XV—XVII веков (более ранние погбили) показывают, что большинство книг монастырских библиотек носило не богослужебный, а светский характер. Здесь хранились летописи, хронографы, различные «хождения» (то есть географиче-

ские сочинения), философские и военные трактаты, такие классические труды, как «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, и т. п. Ученый монах должен был быть всесторонне образованным. Об этом свидетельствует, например, начало «Повести о Стефане Пермском», в котором автор — Епифаний Премудрый, монах Троице-Сергиева монастыря (XV век), — принижает, по обычаю того времени, свои таланты: «Не бывал ведь я в Афинах в юности и не научился у философов ни их хитросплетениям, ни мудрым словам, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не осилил...». Из этих слов виден идеал монаха-ученого.

В монастырях велось летописание (Нестор), писали сочинения полемического характера (часто с четким политическим подтекстом), переписывали книги (этим монашеским скрипториям мы обязаны тем, что можем читать древние летописи, что до нас дошло «Слово о полку Игореве»), писали иконы (Алипий). Монастырские врачи бескорыстно оказывали медицинскую помощь мирянам. Немаловажно и то, что отсюда выходили собственные русские священнослужители и иерархи, заменявшие приезжих византийцев.

Отношения с Византией то улучшались, то ухудшались. В 1037 году, воспользовавшись тяжелым положением Ярослава в борьбе с печенегами, Византия вынудила князя учредить русскую митрополию во главе с греком. Русская церковь стала формально подчиняться Константинополю. Византия по-прежнему хотела видеть Киевскую Русь своим вассалом. Когда несколько позже между Киевом и Константинополем возник военный конфликт, то византийский историк Михаил Пселл назвал его «восстанием русских». Не нападением, а восстанием! Он явно не хотел смириться с мыслью о самостоятельности Киевской Руси.

В 1051 году, после смерти митрополита-грека, произошло неслыханное: Ярослав сам (без императора и константинопольского патриарха), «собраз епископы», впервые ставит митрополитом Илариона — русского священника княжеского села Берестово. Русская церковь вновь укрепляет свою независимость.

Митрополит Иларион был, безусловно, высокоталантливым человеком. Его перу принадлежит замечательный образец древнерусской литературы — «Слово о законе и благодати». Если судить по заглавию, то можно подумать, будто это классический богословский трактат. Ведь еще апостол Павел в своем «Послании к евреям» ставил вопрос о соотношении Ветхого завета (закона, данного Моисеем) с Новым заветом (благодатью, данной человечеству Христом). Естественно, проблема эта решалась в пользу благодати. Однако в своем произведении Иларион дал новый, политически злободневный поворот классической теме.

Поскольку благодать выше закона, значит, новое нередко выше старого. Но тогда и народы, крестившиеся позже, вовсе

не хуже тех, кто принял крещение давно, и притязания Византии на старшинство по отношению к Руси не имеют оснований. Суживая тему и говоря о крещении Руси, Иларион особо подчеркивает, что это не заслуга Византии. Крещение произошло по собственному желанию русских, это лишь первый шаг, и русский народ ожидает великое будущее. Еще более суживая тему, Иларион переходит к похвале князю Владимиру — крестителю Руси — и его политике. При этом он поднимает вопрос о причислении Владимира к лику святых как «нового Константина». Император Константин, сделавший много столетий назад христианство государственной религией Римской империи, вводил христианство в стране, где оно фактически уже было распространено. Владимир же — в языческой стране, что много труднее. Поэтому заслуги Владимира выше заслуг Константина. Далее Иларион описывает и хвалит не только «милостыню» Владимира, но и его государственную деятельность, воздает должное его предкам — Святославу и Игорю, то есть хвалит язычников!

Фактически сочинение Илариона было острым идейным оружием в борьбе за независимость Киевской Руси. Это не осталось незамеченным в Византии, и в канонизации Владимира тогда было отказано.

При Ярославе продолжалось распространение грамотности и строительство школ (не только в Киеве). Сохранилось свидетельство об открытии в 1030 году школы на 300 детей в Новгороде, где их начали «учити книгам». Учили не только мальчиков, возникали и школы для девушек. Грамотой постепенно овладевали все сословия — об этом говорят находки древних берестяных грамот. Сам Ярослав «книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне», а также «собра писце многи, и прекладаше от грек на словенское писмо, и списаша книги многи...» «Велика бо бывает полза от ученья книжного». Происходил быстрый культурный рост населения Древней Руси.

Цивилизованные государства не могут существовать без писаных законов, а Ярослав создает «Русскую Правду», а также ряд других письменных уставов. Короче говоря, Ярослав, завершитель реформы Владимира, сделал Киевскую Русь свободно развивающимся феодальным государством, ни в чем не уступавшим другим. Гордость за свою страну, желание независимости от Византии и равенства с нею были близки не только княжескому окружению, но и всему народу. Спустя несколько десятилетий после смерти Ярослава это докажет игумен Даниил, совершивший путешествие в Палестину и описавший его в своем «Хождении». Увидя, что в храме Гроба Господня висит много кандил (свечильников) от разных

стран, в том числе и от Византии, но нет от Руси, он обратился к королю Балдуину (Палестина была тогда в руках крестоносцев) с просьбой разрешить ему повесить кандило «от всей Русской Земли». Русь нигде не должна была стоять ниже Византии.

Каковы же итоги княжения Владимира и Ярослава? Во-первых, Русь объединилась в единое феодальное государство. Оно было объединено новой передовой по тому времени культурой, писаными законами, религией. Исчезло старое деление по племенным признакам. Получила окончательное государственное оформление единая древнерусская народность, из которой позже вышли русские, украинцы, белорусы.

Во-вторых, в результате реформ Русь окончательно встала вровень со всем цивилизованным миром. Она не уступала другим странам ни в смысле общественно-экономической формации (феодализм, который продолжал свое развитие), ни в смысле культуры, ремесла, военного дела. Введение христианства, ставшего идеологической основой единой феодальной государственности Древней Руси, сыграло в период раннего средневековья прогрессивную роль.

Стремительный расцвет древнерусского государства произвел огромное впечатление в мире. Западный летописец (Адам из Бремена) называет Киев «украшением Востока» и «соперником Константинополя». Но, может быть, наиболее наглядно международный авторитет Киевской Руси просматривается в династических браках. Если Владимир добыл себе «достойную жену» силой оружия, то в период княжения Ярослава наблюдается совершенно иная картина. Сам он женат на дочери короля Швеции, его сестра — королева Польши, три дочери — соответственно королевы Венгрии, Норвегии и Франции, сын женат на сестре короля Польши, внук — на дочери короля Англии, внучка — жена германского короля и императора «Священной Римской империи» Генриха IV. Это ли не признак международного авторитета древнерусского государства как передовой и мощной державы? Она возникла из конгломерата «варварских» племен на глазах изумленной Европы за время жизни двух поколений. Вот как Владимир «вспахал», а Ярослав «засеял»!

Сегодня мы имеем все основания гордиться сделанным нашими великими предками и с благодарностью вспомнить их самоотверженный труд. То, что произошло 1000 лет назад (как и всякая дата подобного рода, она, конечно, условна), было значительным шагом вперед на длинном пути истории.